

Люсьен ДУЛЬФАН

Путевые заметки натуралиста

Пишу я, может, коряво, но правдиво.
А.М. Зоркий

Путешествие вдоль берегов Карибского моря началось с посадки на огромный океанский лайнер. Длинная очередь, как змея, рядов в десять, а может, и двадцать. На дворе последний день декабря. Холодно. Публика разная: афроамериканцы, испаноязычные, французы, шведы. Много колясок с детьми, огромные чемоданы. Несколько другая публика вкраплена в очередь, приблизительно одного возраста и одного темперамента. Они нервничают, махают (именно махают, не машут) руками, выразительно жестикуют, громко разговаривают и очень плотно, как монолит, жмутся друг к другу. Со стороны можно подумывать, что это дети Рема и Ромула, и они говорят на языке Данте и Петрарки.

Нет и еще раз нет! Это мы с вами, это "наши". Зрители и участники КВН. Каждый второй — Жванецкий, Карцев и Ильченко. Время от времени один из наших выскакивает из очереди и кричит: "Роза, беги сюда, тут меньше людей!". Или: "Сеня, быстро бери детей и беги в эту дверь, тут для членов экипажа!" — "Я не знал, что ты плаваешь капитаном!" — "Я плаваю второй раз, и у меня значок "мэмбэра".

Пока я стоял в очереди с точно таким же значком, наши уже устроились с вилками на корабле. Но самое интересное впереди. Постараюсь быть снисходительным, учитывая их тяжелое детство и неудовлетворительное отрочество. Впервые, их было очень, очень много, "иностранцев" тоже было немало, но они как бы были в гостях у наших. Причем в некоторых местах наши, включая меня, были все, в других местах наших было немного или совсем не было. Где было платно, за "валюту", наших было мало, где бы-

ло вкусно, много и бесплатно, мы были все там! В барах, платных ресторанах, библиотеках, спортивных залах с тяжелыми гириями и черными крутящимися машинами я их не видел. Правда, зашел один по ошибке, сел на черного спортивного козла, вынул телефон и стал очень страстно и убедительно объяснять, что "бухала" очень много, пронесли либо в женских сапогах либо в детских колясках, так что жажды не будет.

Как начинался день у наших. Как только высухал свежесмытый пол в столовых, наши стремительно стройными рядами занимали круговую оборону: накладывали на огромные тарелки все. Особенно, с большим уважением, относились к некошерной пище, потом шел кошер: рыба, птица, средиземноморские дела — сардины, анчоус, спаржа, цветная капуста, баклажаны... Потом шли разносолы, маслами, турецкие баклажаны и т.д. Все поливалось тремя-четырьмя сортами соусов и сверху, как мазок живописи, апофеоз — кетчуп! Как тяжело груженная углем баржа на одесском рейде переваливалась с волны на волну, так они двигались к столам. Дальше шло творчество скульптора: все резалось, расчленялось, накальвалось, рубилось, подхватывалось — гимн, ода солнцу! Где взять перо бессмертного Рабле с его героями Гаргантюа и Пантагрюэлем? Причем несколько раз возвращались к полкам с заморскими яствами: мясо-рыбно-молочо-фруктово-ягодные ряды пустыли.

Закроем книгу нашего детства, "Книгу о вкусной и здоровой пище". Дальше события развивались столь же стремительно. Наши запускали деток с охапками полотенец занимать топчаны ближе и бассейну. Заняв все топчаны и поймав неодобрительные взгляды иностранцев, говорили: "Ну, наши проспали, так что им, стоять?". Потом опускали свои тела на заранее

купленные места, придерживая другой рукой соседний топчан, а некоторые умудрялись еще прихватить ногой столик с... едой. Помоложе занимали бетонные берега бассейна, свешивая ноги, давая понять иностранцам, что они тоже могут окунуться. Наши дамы плавали в кокетливых шляпках с цветами... Не забывайте, что божественное тепло тропического моря растеклось, как запах акаций в одном южном городе...

"Ну, так они разведутся?" — без интереса спросил наш нашего, в длинных модных трусах от Диора. На расстоянии двадцать метров из воды высунулась голова и ответила: "Ты знаешь, моя "Хонда" — говно, я просто замутился с этим флянцем карданного вала", — ответил на вопрос наш. Издалека доносилось: "Вы знаете, она просто б..., подходит ко мне и по-английски (это официантка) говорит, чтобы я подобрал окурок, а я ей по-русски..."

Одним словом, праздник продолжается. Молодежь живет параллельной жизнью, танцует, читает книги, носит свои стройные тела на загорелых ногах. Но что это потянуло дымок, запахло мясом... Наши, будущие обладателями более острого нюха, расширили ноздри. Дым настойчиво, провокационно стал шекотать обоняние. Видение первобытных стоянок, образы людей в шкурах...

Пока я задумчиво предавался воспоминаниям о временах неолита, все наши, включая грудных младенцев, уже жевали, ели шашлык, гамбургеры, сосиски, жаркое, жареную картошку тоже ели, но исключительно из большого одолжения ей.

В это время неостребованные топчаны, оккупированные нашими, напрасно ждали посетителей, как невесты ждут не дожидаясь женихов.

Перейдем к интертэйнменту, к развлечениям. Театр: если шумно, кан-кан, мыльная опера, фокусы, джаз и т.д., все наши на лучших

местах: "Додик, ты был вчера в театре?" — "А что я там потерял? Они говорят, тоска".

Водные процедуры, платные. Джакузи, финская сауна, русская парная, огромный теплый бассейн, мягкие топчаны, тихо, время отдыха и медитации. Наши, не заплатив ни копейки, то есть ни цента, все там. Говорят громко, парятся громко, деловые разговоры — громко. Бухарско-русскоговорящие поместились все семнадцать человек в джакузи: тесно, но бесплатно. Одесско-русскоговорящие жалуются, что в парной можно замерзнуть. Один иностранец засунул нос в парную и выскочил с ушами в виде "умэн-таша", свернутыми от жары. "Да, сюда бы Провиантскую с цементным полом", — услышал я отрывок разговора. Вечером наши смешались с испаноязычными: все в черном с золотом от Кардена и Диора.

Караоке. Наша, смелая, вышла на сцену, взяла микрофон. Ни слуха, ни голоса. Пыталась петь "Подмосковные вечера" — забыла все слова. Моя жена поднесла кулак к моему красному носу цвета свеклы (тропики) и прошептала: "Откроешь рот — плохо будет, может, она Зыкина". Я бочком отскочил от дорогой подружки жизни, подошел к незнакомому афроамериканцу, хлопнул его по плечу. Он удивленно обернулся, я положил голову с выражением скорби на лице, давая понять, что так жить больше нельзя, и выразительно показал глазами на нашу певницу. Он прыснул, тактично прикрыл рот рукою. Мы обнялись, как братья по несчастью.

Нью-Йорк. Январь 2007.

Александр ТЮРЮМИН

Пейзаж XIX — начала XX вв.

Недостаток экспозиционных площадей — проблема всех известных музеев. Даже такие собрания, как парижский Лувр и петербургский Эрмитаж, обладающие сотнями несопоставимых с другими музеями мира залов, могут показать только около десяти процентов своих коллекций. И с годами эти проблемы усугубляются.

И тем не менее, музеи продолжают собирательскую работу. Они работают на историю. Именно хорошо собранно всегда чего-то не хватает. Либо конкретного мастера, отсутствующего в коллекции, но оставившего заметный след в искусстве, либо работ, дополняющих в чем-то уже имеющуюся монографическую коллекцию.

Но работы не должны лежать десятилетиями в хранилище, ожидая своего места в постоянной экспозиции. В Одесском художественном музее выставки из фондов — давняя традиция. Коллекция, собранная несколькими поколениями сотрудников на протяжении ста лет, позволяет ежегодно открывать самые разные выставки. Достаточно вспомнить лишь некоторые из них — по направлениям: "Академическая живопись", "Творчество южнорусских художников", "Общество им. К. Костанди"; по периодам: "Русское искусство II половины XIX века", "Советское искусство 30-х — 50-х годов"; по жанрам: "Портрет и автопортрет в творчестве одесских художников второй половины XX века". И это не считая многочисленных монографических выставок из собрания музея.

На этот раз был выбран пейзаж. При подготовке экспозиции выяснилось, что качественных работ в фондах гораздо больше, чем на одну экспозицию. Было решено ограни-

читься периодом XIX — начала XX веков, а XX в. показать в следующем году.

Пейзаж лишь на первый взгляд однороден. В нем есть свои поджанры: чистый, городской, индустриальный, марина.

Маринистика на выставке открывается работой выдающегося мастера жанра Айвазовского. Ничем не уступает по качеству работам, представленным в экспозиции, марина блестящего мастера Боголюбова. Среди работ академического направления выделяются работы Врублевского "Двор костела", Шильдера "Закат в лесу", Клодта "Безмятежный покой" и "Пейзаж с деревьями", Мещерского "Зимний пейзаж".

Творчество художников-передвижников представлено такими именами, как Саврасов, Шишкин.

Коровин, Поленов, Петровичев — основатели Союза русских художников, замечательные мастера, давшие новый импульс не только русскому пейзажу. Утонченное мастерство, новую эстетику объединения "Мир искусства" как никто другой утвердил Сомов.

На выставке представлены все корифеи одесской живописной школы — Товарищества южнорусских художников, внесшие в отечественный пейзаж очень значительный и до сегодняшнего дня еще недостаточно оцененный вклад. Перечислять их имена нет смысла — это половина экспозиции.

Пейзаж — наиболее эмоциональный жанр живописи. Тем не менее, он требует длительного рассмотрения. Ведь художник видит в поразившем его мотиве такие нюансы, которых мы обычно не видим.

Словами они не передаются. Надо придти в музей и смотреть подлинники.

Семен Ефимович Ванетик (р. 1924 г.) попал в Одессу после войны. Учился в институте связи и именно в одесские годы начал писать лирические стихи — почему и считает себя одесситом. Сейчас живет в Ставрополе. Выпустил семь сборников иронических и лирических стихов, миниатюр и эпиграмм, многократно публиковался в столичной периодике.

Семен ВАНЕТИК

СТИХОТВОРЕНИЯ

Развенчания

— Позади эпоха умолчаний,
Наступил период развенчаний.
Памятники ежатся, сутулятся,
И своих имен стыдятся улицы.
Проступают сквозь пласты годов
Старые названия городов.
За горячим вслед холодный душ.
Не бесследно это все для душ.
Говорили: "Совесть, ум и честь!" —
А теперь ее готовы съесть.
Кто же говорил? Она сама,
От себя, любимой, без ума.
Бедные доверчивые души
Нынче не спешат развесить уши.

Разделение властей

— Мы жить привыкли при единовластии,
И вот вам: разделение властей.
Какая же из четырех зубастее?
В чью пасть попасть — не унести костей?
— Не бойся, не до нас им, дорогой!
Они грызутся рьяно меж собой.

Роману Карцеву

Хоть успешно выступал Роман,
Был недолгим Райкиным роман.
Со Жванецким Карцев дольше, да,
Но зато с Одессой навсегда.

Никите Богословскому

Его мотивы распевали,
Умно и весело шутили,
И все сатирики вставали,
Когда в пивную он входил.

Ценности (Из Гете)

— Цени здоровье, соплеменник!
Оно превыше всех даров.
— Здоровый человек без денег
Наполовину нездоров!

Верный признак

В прессе по мере ее пожелтения
Реже встречаются стихотворения.

Не все пропало

Все переменялось, все на новый лад!
Не грусти, приятель: сохранился бла!